

Т.Х.УАЙТ

*Король
былого и грядущего*

ЦАРИЦА ВОЗДУХА И ТЬМЫ

Теренс Хэнбери Уайт
Царица Воздуха и Тьмы
Серия «Король былого
и грядущего», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139043
Король былого и грядущего: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-
Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-20546-8

Аннотация

Тетралогия Т. Х. Уайта «Король былого и грядущего» (плюс вышедшая посмертно «Книга Мерлина») – произведение знаковое не только в фантастике, но и в литературе в целом. Достаточно упомянуть имена писателей, прямо говоривших о том влиянии, которое оказал на них Т. Х. Уайт, чтобы убедиться в этом. Майкл Муркок, Джоан Роулинг, Нил Гейман – список можно продолжать долго.

Источник цикла, конечно, Томас Мэлори, его «Смерть Артура».

С другой стороны, Уайт настолько созвучен своей эпохе, настолько напитал эти книги мыслями о добре и зле, тревогой за современный мир (первые произведения цикла выходили в предвоенные годы), что, независимо от источника, ценность и самобытность их не вызывает сомнений.

На надгробном камне на могиле Т. Х. Уайта выбита надпись:
«Писателю, который из глубины своего измученного сердца
доставлял людям радость и восхвалял жизнь».

И это действительно так.

Второй роман тетралогии.

Содержание

1	7
2	19
3	31
4	40
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Теренс Хэнбери Уайт Царица Воздуха и Тьмы

Когда же отпустит мне смерть наконец

Все зло, которое сделал отец?

И скоро ли под гробовою доской

Проклятие матери сыщет покой?

INCIPIT LIBER SECUNDUS

T. H. White

THE WITCH IN THE WOOD

Copyright © The Estate of T. H. White, 1939

HP

Стояла на свете башня, а над башней торчал флюгер. Флюгером служила ворона со стрелою в клюве, чтобы указывать ветер.

Под самой крышей башни находилась редкая по неудобству круглая комната. В восточной ее части помещался чулан с дырою в полу. Дыра смотрела на наружные двери башни, коих имелось две, через нее можно было швырять вниз камни в случае осады. На беду, ею же пользовался и ветер – он входил в нее и вытекал в нестекленные окна или в трубу очага, если только не дул в противную сторону, пролетая сверху вниз. Получалось что-то вроде аэродинамической трубы. Вторая беда состояла в том, что комнату заполнял дым горящего торфа – от огня, разожженного не в ней, а в комнате ниже. Сложная система сквозняков высасывала дым из трубы очага. В сырую погоду каменные стены комнаты запотевали. Да и мебель в ней не отличалась удобством. Всейто и было мебели, что груды камней, пригодных для швырания через дыру, несколько заржавелых генуэзских арбалетов со стрелами и груда торфа для неразожженного очага. Кровати у четверки детей не имелось. Будь комната квадратной, они могли бы соорудить нары, а так приходилось спать на полу, укрываясь как получится соломой и пледами.

Из пледов дети соорудили над своими головами подобие

шатра и теперь лежали под ним, тесно прижавшись друг к другу и рассказывая историю. Им было слышно, как в нижней комнате мать подкармливает огонь, и они шептались, опасаясь, как бы и она их не услышала. Не то чтоб они боялись, что мать поднимется к ним и их прибьет. Они обожали ее немо и бездумно, потому что характер у нее был сильнее. И не в том было дело, что им запрещалось разговаривать после того, как они улягутся спать. Дело было, пожалуй, в том, что мать воспитала их – от безразличия ли, по лени или из своего рода жестокости безраздельного собственника – с увечным чувством хорошего и дурного. Они словно бы никогда точно не знали, хорошо ли они поступают или плохо.

Шептались они по-гаэльски. Вернее сказать, они шептались на странной смеси гаэльского и старинного языка рыцарства, которому их обучили, потому что он им понадобится, когда они подрастут. Английского они почти и не знали. Впоследствии, став знаменитыми рыцарями при дворе Великого Короля, они поневоле выучились бегло говорить по-английски – все, кроме Гавейна, который, как глава клана, намеренно цеплялся за шотландский акцент, желая показать, что не стыдится своего происхождения.

Рассказ вел Гавейн, поскольку он был самый старший. Они лежали рядышком, похожие на тощих, странных, украдчивых лягушат, – хорошо скроенные тела их готовы были окрепнуть, едва их удастся как следует напитать. Волосы у всех были светлые. Гавейн был ярко-рыж, а Гарет белес,

словно сено. Возраст их разнился от десяти до четырнадцати лет, моложе всех был Гарет. Гахерис был крепышом. Агравейн, самый старший после Гавейна, был в семье главным буяном – изворотливым, легко плачущим и боящимся боли. Это потому, что ему досталось богатое воображение и головой он работал больше всех остальных.

– Давным-давно, о мои герои, – говорил Гавейн, – еще до того, как были мы рождены или даже задуманы, жила на белом свете наша прекрасная бабушка и звали ее Игрейна.

– Графиня Корнуоллская, – сказал Агравейн.

– Наша бабушка – Графиня Корнуолльская, – согласился Гавейн, – и влюбился в нее кровавый Король Англии.

– По имени Утер Пендрагон, – сказал Агравейн.

– Кто рассказывает историю? – сердито спросил Гарет. – Закрой рот.

– И Король Утер Пендрагон, – продолжал Гавейн, – послал за Графом и Графинею Корнуолла...

– Нашими дедушкой и бабушкой, – сказал Гахерис.

– ...и объявил, что должно им остаться с ним в его доме в Лондонском Тауэре. И вот, пока они оставались с ним там, он попросил нашу бабушку, чтобы она стала его женою вместо того, чтобы дальше жить с нашим дедушкой. Но добродетельная и прекрасная Графиня Корнуолла...

– Бабушка, – вставил Гахерис.

Гарет воскликнул:

– Вот дьявол! Будет от тебя покой или нет?

Последовали приглушенные препирательства, одобренные взвизгами, шлепками и жалобными укоризнами.

– Добродетельная и прекрасная Графиня Корнуолла, – возобновил свой рассказ Гавейн, – отвергла посягательства Короля Утера Пендрагона и рассказала о них нашему дедушке. Она сказала: «Видно, за нами послали, чтобы меня обесчестить. А потому, супруг мой, давайте сей же час уедем отсюда, тогда мы за ночь успеем доскакать до нашего замка». И они вышли среди ночи...

– В самую полночь, – поправил Гарет.

– ...из королевской крепости, когда в доме все спали, и оседлали при свете ночной плошки своих горделивых, огнеоких, быстроногих, соразмерных, большегубых, малоголовых, ретивых коней и поскакали в Корнуолл так скоро, как только могли.

– То была ужасная скачка, – сказал Гарет.

– И кони под ними пали, – сказал Агравейн.

– Ну нет, этого не было, – сказал Гарет. – Наши дедушка с бабушкой не стали бы до смерти загонять коней.

– Так пали или не пали? – спросил Гахерис.

– Нет, не пали, – поразмыслив, ответил Гавейн. – Но были от этого недалеко.

И он продолжил рассказ:

– Когда поутру Король Утер Пендрагон проведал о том, что случилось, разгневался он ужасно.

– Безумно, – подсказал Гарет.

– Ужасно, – сказал Гавейн. – Король Утер Пендрагон ужасно разгневался. Он сказал: «Вот как Бог свят, мне принесут голову этого Графа Корнуолла на блюде для пирогов!» И он послал нашему дедушке письмо, в коем предписывал ему готовиться и снаряжаться, ибо не пройдет и сорока дней, как он доберется до него хоть бы и в крепчайшем из его замков!

– А у него было два замка, – засмеявшись, сказал Агравейн. – Называемых Замок Тинтагильский и Замок Террабильский.

– И потому Граф Корнуолла поместил нашу бабушку в Тинтагиле, сам же отправился в Террабиль, и Король Утер Пендрагон подошел, дабы обложить их оба.

– И тут, – вскричал Гарет, более неспособный сдержаться, – Король разбил множество шатров, и пошли между двумя сторонами великие сражения, и много полегло народу!

– Тысяча? – предположил Гахерис.

– Никак не меньше двух, – сказал Агравейн. – Мы, гаэлы, и не смогли бы положить меньше двух тысяч. По правде, там, может, полег целый миллион.

– И вот, когда наши бабушка с дедушкой стали одерживать верх и похоже стало, что Короля Утера ожидает полный разгром, явился туда злой волшебник, именуемый Мерлин...

– Негромант, – сказал Гарет.

– И тот негромант, поверите ли, посредством своего ад-

ского искусства преуспел в том, чтобы перенести предателя Утера Пендрагона в замок нашей бабушки. Дед же немедленно предпринял вылазку из Террабиля, но был в сражение убит...

– Предательски.

– А несчастная Графиня Корнуолла...

– Добродетельная и прекрасная Игрейна...

– Наша бабушка...

– ...стала пленницей злобного англичанишки, вероломно-го Короля Драконов, и затем, несмотря на то что у нее уже были целых три красавицы-дочери...

– Прекрасные Корнуолльские сестры.

– Тетя Элейна.

– Тетя Моргана.

– И мамочка.

– И даже имея этих прекрасных дочерей, ей пришлось неволею выйти замуж за Английского Короля, – за человека, который убил ее мужа!

В молчании размышляли они о превеликой английской порочности, ошеломленные ее *denouement*. То был любимый рассказ их матери, – в редких случаях, когда она снисходила до того, чтобы им что-нибудь рассказать, – и они заучили его наизусть. Наконец Агравейн процитировал гаэльскую пословицу, которой она же их научила.

– Четырем вещам, – прошептал он, – никогда не доверится лоутеанин – коровьему рогу, лошадиному копыту, песье-

му рыку и английскому смеху.

И они тяжело заворочались на соломе, прислушиваясь к неким потаенным движениям в комнате под собой.

Комнату, расположенную под рассказчиками, освещала единственная свеча и шафрановый свет торфяного очага. Для королевского покоя она была бедновата, но в ней по крайней мере имелась кровать – громадная, о четырех столбах, – в дневное время ею пользовались вместо трона. Над огнем перекипал на треноге железный котел. Свеча стояла перед полированной пластиной желтой меди, служившей зеркалом. В комнате находились два живых существа – Королева и кошка. Черная кошка, черноволосая Королева, обе были голубоглазы.

Кошка лежала у очага на боку, будто мертвая. Это оттого, что лапы ее были связаны, как ноги оленя, несомого с охоты домой. Она уже не боролась и лежала теперь, уставясь в огонь щелками глаз и раздувая бока, с видом на удивление отрешенным. Скорее всего, она просто лишилась сил, – ибо животные чувствуют приближение конца. По большей части они умирают с достоинством, в котором отказано человеческим существам. Может быть, перед кошкой, в непроницаемых глазах которой плясали пламенные язычки, проплывали картины восьми ее прежних жизней, и она обзревала их со стоицизмом животного, лишившегося и надежд, и страхов.

Королева подняла кошку с полу. Королева намеревалась

испробовать известную ворожбу, – развлечения ради или чтобы хоть как-то провести время, пока мужчины воюют. Это был способ стать невидимкой. Она не занималась ведовством всерьез, – как ее сестра, Моргана ле Фэй, – ибо была слишком пустоголова для серьезных занятий каким угодно искусством, хотя бы и черным. Она предавалась ему лишь оттого, что в крови у нее присутствовала некая чародейская примесь, как и у всякой женщины ее расы.

Кошка, брошенная в кипящую воду, страшно забилась и издала жуткий вой. Мокрый мех, вздыбленный паром, поблескивал, словно бок ударенного гарпуном кита, пока она пыталась выскочить наружу или проплыть немного со связанными лапами. В уродливо распяленной пасти виднелась вся ее красноватая глотка и острые белые зубы, похожие на шипы. После первого вопля она уже не могла произвести никакого звука и лишь раздирала челюсти. Потом она умерла.

Моргауза, Королева Лоутеана и Оркнея, сидела у котла и ждала. Временами она пошевеливала кошку деревянной ложкой. Комнату начинала наполнять вонь от сваренной шкурки. В льстивом отсвете горящего торфа Королева глядела в зеркало и видела в нем свою редкостную красоту: глубокие, большие глаза, мерцание темных лоснистых волос, полное тело, выражение легкой настороженности, когда она прислушивалась к шепоту в комнате наверху.

Гавейн сказал:

– Отмщение!

- Они не причинили никакого вреда Королю Пендрагону.
- Они лишь просили, чтобы их отпустили с миром.

Именно нечестность насилия, совершенного над их корнуоллской бабушкой, причиняла страдания Гарету, – видение слабых и ни в чем не повинных людей, павших жертвами неодолимой тирании, – древней тирании галлов, – которую на Островах даже любой деревенский пахарь воспринимал как личную обиду. Гарет был мальчиком великодушным. Мысль о сильном, восставшем на слабого, казалась ему ненавистной. Сердце его расширялось, заполняя всю грудь, словно бы от удушья. Напротив, Гавейн гневался потому, что зло причинили его семье. Он не считал силу неправым средством достижения успеха, но полагал, что не может быть правым никто, преуспевший в делах, направленных против его клана. Он не был ни умен, ни чувствителен, но был верен, порой до упрямства и даже – в дальнейшей жизни – до раздражающей тупости. И тогда и потом образ мыслей его был всегда одинаков: с Оркнеем, правым или неправым! Третий брат, Агравейн, испытывал волнение оттого, что дело касалось его матери. Он питал к ней странные чувства, каковые держал при себе. Что до Гахериса, он всегда поступал и чувствовал так, как все остальные.

Кошка распалась на куски. Мясо от долгого кипячения раскисло, и в котле не осталось ничего, кроме высокой пены, состоящей из шерсти, жира и мясных волокон. Под нею кружили в воде белые косточки, а те, что потяжелее, лежали

на дне, и белые пузырьки воздуха поднимались грациозно, словно листья на осеннем ветру. Королева, несколько сморщив носик из-за тяжелого запаха, исходившего от несоленого варева, отцедила жидкость в другую посудину. Фланелевое сито удержало осадок, в который обратилась кошка, – набрякшую массу спутанных волос и ошметков мяса, тонкие кости. Она подула на осадок и принялась ворошить его ручкой ложки, чтобы он побыстрее остудился. Тогда можно будет разгрести его пальцами.

Королева знала, что во всякой полностью черной кошке имеется косточка, которая, если держать ее во рту, сварив предварительно кошку заживо, может превратить тебя в невидимку. Правда, никто точно не знал, даже в те времена, какая именно из костей на это способна. Потому и приходилось заниматься магией перед зеркалом – так можно было отыскать нужную кость практическим путем.

И не то чтобы Моргаузе так уж хотелось стать невидимкой, напротив, ей, красавице, это было бы даже неприятно. Но все мужчины ушли. А тут – какое-никакое, а все же занятие, простое и хорошо знакомое чародейство. Оно к тому же позволяло ей повертеться перед зеркалом.

Королева разобрала кошачьи останки на две кучки, – в одной груда вываренных теплых костей, в другой комки разварившегося до мягкости сора. Затем она выбрала одну из костей и, оттопырив мизинчик, поднесла ее к алым губам. Она держала ее в зубах и стояла перед полированной

медью, с сонным удовольствием озирая себя. Затем она бросила кость в огонь и подхватила другую.

Смотреть на нее было некому. А странноватый был вид, — как она раз за разом поворачивается от зеркала к кучке костей, всякий раз суя косточку в рот, оглядывая себя — не исчезла ли — и отбрасывая кость. Двигалась она грациозно, словно танцуя, словно было кому ее видеть или как будто хватало и того, что она сама себя видит.

В конце концов, — впрочем, так и не перепробовав все кости, — она утратила к ним интерес. Последние она нетерпеливо отшвырнула и выкинула всю грязь в окно, не особо заботясь о том, куда та может упасть. Затем она залила огонь, и каким-то своеобразным движением вытянулась на большой кровати, и долго лежала в темноте, без сна, и тело ее досадливо вздрагивало.

— Вот в этом, мои герои, — заключил Гавейн, — и есть причина, по коей мы, Оркнейцы и Корнуолльцы, должны еще пуще противиться Королям Английским, а наипаче — клану Мак-Пендрагона.

— И вот почему наш папа отправился биться с Королем Артуром, ибо Артур тоже Пендрагон. Так говорит наша мамочка.

— И мы обязаны вечно хранить эту вражду, — сказал Агравейн, — потому что мамочка из Корнуоллов. Дама Игрейна была нашей бабушкой.

– Наш долг – отомстить за семью.

– Потому что наша мамочка – самая прекрасная женщина в гористом, просторном, увесистом, приятно кружащемся мире.

– И потому что мы ее любим.

И впрямь, они любили ее. Быть может, и все мы бездумно отдаем лучшее, что есть в наших сердцах, – тем, кто в ответ едва о нас вспоминает.

В мирном промежутке между двумя Гаэльскими войнами на зубчатой башне Камелотской твердыни юный Король Англии стоял рядом со своим наставником и вглядывался в лиловатые вечерние дали. Под ними мягкий свет окутывал землю, и медленная река вилась между почтенным аббатством и величавой крепостью, и в закатных пламенных водах отражались шпили, и башенки, и длинные вымпелы, недвижно свисавшие в мирном воздухе.

Мир, лежавший пред ними, походил на игрушку, ибо они находились на высокой башне, царившей над городом. У себя под ногами они могли видеть траву внешнего замкового двора, – глядеть на нее вниз было жутковато, – и укороченного человечка с двумя ведрами на коромысле, бредущего по траве в сторону походного зверинца. Дальше, у наворотного покоя, смотреть на который было не так боязно, потому что помещался он не прямо под ними, виднелся ночной дозор, принимавший пост у сержанта. Дозорные и сержант щелкали каблуками, салютовали, потрясали копьями и обменивались паролями звонко, словно свадебные колокола, – но двое на башне не слышали их, ибо все происходило слишком далеко внизу. Дозор напоминал оловянных солдатиков, крошечную ирландскую стражу, и топот солдатских ног оставался беззвучен на сочной, подъеденной овцами тра-

ве. Дальше, за внешней стеной, слышался глухой гомон, там рядились на рынке старухи, завывали младенцы, бражни-чали капралы, и с этим шумом мешалось бляенье нескольких козлов, звон колокольцев двух-трех прокаженных, проходивших, накрывшись белыми балахонами, шелест ряс монахинь, по двое добродетельно навещающих бедных, и крик от драки, затеянной какими-то джентльменами, сильно интересующимися лошадьми. На другом берегу реки, струившейся под крепостной стеной, мужчина перепахивал поле, привязав плуг прямо к лошадиному хвосту. Дерево плуга скрипело. Неподалеку от мужчины сидела на берегу некая молчаливая личность, пытаясь выловить на червя лосося, – реки в ту пору загажены не были, – а чуть подальше осел встречал подступавшую ночь громким концертом. Все эти звуки доносились до двоих, стоявших на башне, приглушенно, словно они слушали их через рупор, приложенный к уху не тем концом.

Артур был молод, он стоял еще на самом пороге жизни. Светловолосый, с простодушным, – во всяком случае, бесхитростным – лицом. Открытое лицо, добрые глаза и выражение доверчивое и положительное, как у прилежного ученика, радующегося жизни и не верящего в прирожденную человеческую греховность. Просто ему никогда не приходилось испытывать дурного обхождения, и оттого он был добр к людям.

Короля облекала бархатная мантия, принадлежавшая

Утеру Завоевателю, его отцу, отделанная бородами покоренных в давние дни четырнадцати королей. К сожалению, были среди этих королей и рыжие, и чернявые, и седые, и бороды они отращивали разной длины, так что отделка походила на боа из перьев. А вокруг пуговиц мантии топорщились их усы.

Мерлина же украшала борода белая, по пояс, и еще очки в роговой оправе и остроконечная шляпа. Он носил ее в знак уважения к поработленным саксам, чьим национальным головным убором было либо подобие купальной шапочки, либо фригийский колпак, либо такой вот конус, только соломенный.

Двое слушали вечер, изредка обмениваясь словами, – когда слова приходили на ум.

– Да, – сказал Артур, – должен заметить, что Королем быть приятно. Сражение получилось отличное.

– Ты так считаешь?

– Ну а как же не отличное? Видел бы ты, как бежал Лот Оркнейский, едва я пустил в дело Экскалибур.

– Сначала он поверг тебя наземь.

– Пустяки. Это оттого, что я не пользовался Экскалибуром. Стоило мне вытащить мой верный меч, и они разбежались, как кролики.

– Они вернутся, – сказал волшебник, – все шестеро. Короли Оркнея, Гарлота, Гоора, Шотландии, и Король из Башни, и Король-с-Сотней-Рыцарей уже учредили, в сущности го-

воря, Гаэльскую Конфедерацию. Тебе следует помнить, что твои притязания на трон вряд ли можно назвать традиционными.

– Да пускай возвращаются, – ответил Король, – не возражаю. На сей раз я разобью их как следует, и тогда мы увидим, кто здесь хозяин.

Старик сунул бороду в рот и принялся жевать ее, как делал обыкновенно, когда что-либо выводило его из себя. Один перекушенный волос завяз у него между зубами. Он попытался вытолкнуть его языком, потом вытянул двумя пальцами. В конце концов он принялся скручивать его концы в два колечка.

– Я полагаю, что рано или поздно тебя удастся чему-нибудь научить, – сказал он, – но видит Бог, до чего это тяжкая, изнурительная работа.

– Ну да?

– Да! – страстно воскликнул Мерлин. – Ну да? Ну да? Это все, что ты можешь сказать. Ну да? Ну да? Как школьник.

– Поаккуратней, а то я отрублю тебе голову.

– Отруби. Сделай доброе дело. По крайности, не придется больше учительствовать.

Артур облокотился на башенный парапет и повернулся к своему старинному другу.

– В чем дело, Мерлин? – спросил он. – Я что-то неверное сделал? Извини, коли так.

Волшебник расправил бороду и высморкался.

– Горе не в том, что ты делаешь, – сказал он. – Горе в том, как ты думаешь. Если и существует что-то, чего я не в состоянии переносить, так это глупость. Я всегда говорил, что глупость – это преступление против Духа Святого.

– Да уж это я слышал.

– Ну вот, теперь ты язвишь.

Король взял его за плечо и развернул к себе.

– Послушай, – сказал он, – что такого случилось? Ты в дурном настроении? Если я совершил какую-то глупость, скажи мне. Не надо злиться.

Эти слова только пуще разозлили престарелого некроман-та.

– Скажи ему! – воскликнул он. – А что, интересно, ты станешь делать, когда сказать будет некому? Ты когда-нибудь собираешься начать думать самостоятельно? Что будет, когда меня заточат в этот мой дурацкий могильник, хотел бы я знать?

– Я и не слышал ни о каком могильнике.

– Да черт с ним, с могильником! Какой еще могильник? О чем я с тобой разговаривал, а?

– О глупости, – сказал Артур. – Разговор начался с глупости.

– Вот именно.

– Послушай, от твоего «вот именно» толку немного. Ты собирался мне что-то сказать о глупости.

– Я не знаю, что я собирался сказать. Ты своими штука-

ми доводишь человека до такого каления, что через две минуты разговора никто уже не в состоянии понять, о чем он ведется. С чего все началось?

– Все началось со сражения.

– Теперь вспомнил, – сказал Мерлин. – Вот именно с него все и началось.

– Я сказал, что сражение было доброе.

– Это я припоминаю.

– Так оно ведь и было доброе, – оправдывающимся тоном повторил Король. – Приятное было сражение, и я сам его выиграл, ведь это же весело.

Волшебник погружался вглубь своего сознания, и глаза его при этом затягивались пленкой, словно у ястреба. В течение нескольких минут на укреплениях стояла тишина, лишь над ближним полем пара играющих в охоту сапсанов кувыркалась в воздухе, выкрикивая «кик-кик-кик» и звеня колокольцами. Мерлин снова выглянул из своих глаз.

– Ты искусно выиграл это сражение, – медленно вымолвил он.

Артура учили, что следует проявлять скромность, и в простоте своей он не заметил, что стервятник вот-вот падет на него с высоты.

– Да чего там. Мне просто повезло.

– Очень искусно, – повторил Мерлин. – Сколько пехоты у тебя poleglo?

– Не помню.

– Не помнишь.

– Кэй говорил...

Король застыл в середине фразы и взглянул на волшебника.

– Ладно, – сказал он. – Выходит, ничего в нем веселого не было. Я не подумал.

– Потери составили больше семи сотен. Разумеется, все сплошь мужики-пехотинцы. Из рыцарей никого не поранило, за вычетом одного, сломавшего ногу при падении с лошади.

Увидев, что Артур не собирается отвечать, старик продолжал с еще большей горечью.

– Я забыл, – прибавил он, – что ты получил несколько очень серьезных царапин.

Артур не отрывал пылающих глаз от ногтей на своей руке.

– Ненавижу тебя, когда ты такой зануда.

Мерлин пришел в восторг.

– Вот! Вот это и есть потребное нам настроение, – сказал он, продевая свою руку сквозь королевскую и радостно улыбаясь. – Это уже на что-то похоже. Отвечай за себя сам, тогда не пропадешь. А просить совета – роковая ошибка. Помимо прочего, меня здесь очень скоро не будет, и советовать будет некому.

– О чем это ты все время твердишь, – что тебя здесь не будет, насчет могильника и так далее?

– Да ерунда. Мне в скором будущем предстоит влюбиться

в девицу по прозванию Нимуя, и тогда она выучит мои заклинания и на несколько веков заточит меня в пещеру. Это из тех вещей, от которых никуда не денешься.

– Но Мерлин, это же ужасно! Застрясть на несколько столетий в пещере, будто жаба в норе! Надо же как-то этому помешать!

– Глупости, – сказал волшебник. – О чем я говорил?

– О той девице...

– Я говорил о советах и о том, что никогда не следует их принимать. Так вот, теперь я как раз собираюсь дать тебе парочку. Я советую тебе подумать о битвах, о волшебном твоём королевстве и о том, чем должен заниматься Король. Ты сделаешь это?

– Сделаю. Разумеется, сделаю. Но вот насчет этой девицы, которая выучит твои заклинания...

– Ты понимаешь, дело ведь не в одних королях, но и просто в людях. Когда ты говоришь, что сражение вышло прелестное, ты думаешь так же, как твой отец. А я хочу, чтобы ты думал по-своему, чтобы ты оправдал все то образование, которое от меня получил, – потом, когда я буду всего лишь стариком, упрятым в яму.

– Мерлин!

– Ладно, ладно! Я, собственно, и напрашивался на жалость. Не обращай внимания. Это я так, для эффекта. Сказать по правде, получить покой на несколько сотен лет – возможность совершенно очаровательная, а что до Нимуи, то,

оглядываясь на прожитое, я с большим нетерпением предвкушаю нашу с ней встречу. Нет-нет, самое важное сейчас – это чтобы ты выучился думать самостоятельно, и еще вопрос о сражениях. Ты, например, думал когда-нибудь всерьез о состоянии твоей страны, или ты так и намерен продолжать ту жизнь, которую вел Утер Пендрагон? В конце-то концов, ты ведь здешний Король.

– Думал, но не очень подолгу.

– Понятно. Ну так разреши, я вместо тебя немного подумаю. Предположим, мы задумались о нашем гаэльском друге, о сэре Брюсе Безжалостном.

– Об этом типе!

– Вот именно. А что это ты так о нем отзываешься?

– Да ведь это свинья. Он же убивает девиц, а стоит настоящему рыцарю прийти кому-то из них на помощь, как он удирает во все лопатки. Он растит особых быстрых скакунов, чтобы никто не смог его изловить, да еще и нападает со спины. Попался бы он мне, я бы его на месте убил.

– Что ж, – сказал Мерлин. – Не думаю, чтобы он сильно отличался от прочих. К чему, вообще говоря, сводится пресловутое рыцарство? Если попросту, то оно означает, что нужно быть достаточно богатым, чтобы обзавестись замком, оружием и доспехами, а когда у тебя все это есть, ты можешь заставить саксов делать то, что тебе угодно. Единственно, чем ты рискуешь, – это получить пару царапин, если доведется нарваться на другого рыцаря. Вспомни хоть тот поединок

между Пеллиномором и Груммором, когда ты был маленький. Это ведь доспехи сражались. Любой барон может резать бедняков, сколько ему заблагорассудится, а увечить друг друга – это просто их каждодневная работа, – и в результате страна лежит в запустении. Сильный прав – вот их девиз. Брюс Безжалостный – всего лишь пример общего положения дел. Взгляни на Лота, на Нантреса, на Уриенса, на всю ораву гаэлов, сражающихся с тобой за королевство. Я готов допустить, что вытягивание мечей из камней не такое уж юридически безупречное доказательство происхождения, но ведь короли Древнего Люда бьются с тобой не из-за этого. Они восстали против тебя, против своего суверена, просто потому, что трон зашатался. Как мы когда-то говаривали, трудности Англии – шанс для Ирландии. Для них это возможность свести расовые счета, устроить небольшое, чисто спортивное кровопускание и малость заработать на выкупах. Лично они в этой заварухе ничего не теряют, они же в латах, – и похоже, что ты ею тоже наслаждаешься. Однако посмотри на страну. Посмотри на сожженные риги, на торчащие из прудов ноги покойников, на лошадей, валяющихся вдоль дорог со вздувшимися животами, на разрушенные мельницы, на зарытые деньги, на то, как никто не решается выходить на дорогу с золотом или украшениями на одежде. Вот это и есть современное рыцарство. С привкусом Утера Пендрагона. А ты еще говоришь о веселом сражении!

– Я думал о себе.

– Я знаю.

– А надо было думать и о людях, у которых нет доспехов.

– Верно.

– Сильный не прав, так, Мерлин?

– Ага! – просяив, ответил волшебник. – Ага! Ты хитрый паренек, Артур, но на такой ерунде ты своего старого наставника не поймал. Тебе хочется меня разозлить и вынудить думать вместо тебя. На это я не клюну. Я для этого слишком старый лис. Остальное тебе придется додумывать самому. Прав ли сильный, – а если не прав, то почему, привести причины и разработать план. И затем, что ты намереваешься делать в этой связи.

– А что бы... – начал было Король, но вовремя заметил признаки недовольствия.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я подумаю об этом.

И принялся думать, поглаживая верхнюю губу там, где еще предстояло вырасти усам.

Перед тем как им уйти с укреплений, случилось маленькое происшествие. Человек, несший ведра в зверинец, теперь возвращался с пустыми. По дороге к кухонной двери он ненадолго остановился прямо под ними, совсем крохотный с виду. Артур, поигрывавший камнем, который он вытянул из навесной бойницы, утомясь от размышлений, глянул вниз, держа камень в ладони.

– Каким маленьким кажется Курселен.

– Совсем крошка.

– Интересно, что будет, если я уроню этот камень ему на голову?

Мерлин прикинул расстояние.

– При тридцати двух футах в секунду, – сказал он, – я полагаю, его убьет до смерти. Четырехсот g достаточно, чтобы разнести череп.

– Я никого никогда так не убивал, – пытливым тоном произнес юноша.

Мерлин смотрел на него.

– Ты Король, – сказал он. И добавил: – Никто тебе ни слова не скажет, если ты попробуешь.

Артур стоял неподвижно, перегнувшись, с камнем в руке. Затем он, не шелохнувшись, скосил глаза, чтобы встретиться взглядом с наставником.

Камень аккуратнейшим образом снес с головы Мерлина шляпу, и старый джентльмен грациозно помчался за юношей вниз по лестнице, размахивая палочкой из дерева жизни.

Артур был счастлив. Подобно человеку в Раю еще до грехопадения, он наслаждался невинностью и удачей. Вместо бедного оруженосца он стал Королем. Вместо того чтобы так и остаться сиротой, он был любим почти всеми, за исключением гаэлов, и сам отвечал любовью всякому.

Пока что во всем, что его касалось, на веселой, радостной поверхности сверкающего росой мира не замечалось ничего, похожего и на малую частицу печали.

Сэр Кэй интересовался Королевой Оркнея, – он много слышал о ней.

Как-то раз он спросил:

– Кто такая Королева Моргауза? Мне рассказывали, что она прекрасна. Это из-за нее желает драться с нами Древний Народ? И что представляет собой ее муж, Король Лот? Какой его полный титул? Я слышал, как одни называли его Королем Внешних Островов, а другие – Королем Лоутеана и Оркнея. Где этот Лоутеан? Недалеко от Ги Бразила? Я не понимаю, с какой стати они бунтуют? Все же знают, что Король Англии – их феодальный властитель. Говорят, у нее четыре сына. Правда, что она не очень-то ладит с мужем?

Они верхом возвращались домой после целого дня, проведенного в горах за охотой с сапсанами на куропаток. Мерлин отправился с ними, потому что ему хотелось проехаться. В последнее время он впал в вегетарианство – в качестве принципиального противника всякого вида спорта, сопряженного с пролитием крови, хоть в пору бездумной юности и сам он успел поупражняться в большей части из них, да и поныне втайне наслаждался, глядя на соколов. Их совершенные круги в небесах, в ожидании, – снизу они казались не больше соринки – шумный шелест, с которым они, будто косой, сносили куропатку, и то, как несчастная дичь, мгновенно

венно убитая, падала вверх тормашками в вереск, – перед всеми этими соблазнами он пасовал с неуютным чувством своей греховности. Он успокаивал это чувство, повторяя себе, что куропатки предназначены для еды. Но и то было пустой отговоркой, ибо употребление мяса также казалось ему неправым.

Артур, скакавший настороженно, как и положено осмот- рительному молодому монарху, отвел глаза от куста утесника, за которым в те ранние анархические времена вполне могла затаиться засада, и, приподняв бровь, повернулся к своему наставнику. Половина его разума пыталась угадать, на какой из вопросов Кэя предпочтет ответить волшебник, но другая еще продолжала оценивать военные возможности ландшафта. Он знал, как далеко отстали от них сокольничие, – носильщик, тащивший накрытых клобучками птиц на квадратной раме, висевшей у него на плечах, и два вооруженных охранника, – и сколько еще ехать до следующего места, где можно было получить стрелу, сразившую Вильгельма Рыжего.

Мерлин выбрал второй вопрос.

– Войн никогда не ведут по какой-то одной причине, – сказал он. – Причин, как правило, дюжины, все вперемешку. То же и с мятежами.

– Но ведь должна быть и главная, – сказал Кэй.

– Необязательно.

Артур сказал:

– Давайте-ка рысью. До тех кустов две мили по открытому месту, можно будет не спеша прогуляться назад, навстречу нашим людям. Заодно и кони продышатся.

С Мерлина сдуло шляпу. Пришлось остановиться, чтобы ее подобрать. После этого они неторопливо поехали в ряд.

– Одну из причин, – сказал волшебник, – составляет вечная вражда гаэлов и галлов. Гаэльская Конфедерация представляет древнюю расу, изгнанную из Англии несколькими другими расами, кои представляете вы. Естественно, они будут пакостить вам, где и как только смогут.

– Расовая история выше моего понимания, – сказал Кэй. – Никому не известно, кто к какой расе принадлежит. И во всяком случае, все они сервы.

Старик взглянул на него с выражением, пожалуй, даже довольным.

– Что меня всегда поражало в норманнах, – сказал он, – так это то, что они, в сущности, ничего ни о чем не знают, кроме как о самих себе. И ты, Кэй, в качестве норманнского джентльмена, довел эту черту до крайности. Вот интересно, знаешь ли ты хотя бы, кто такие гаэлы? Их еще называют кельтами.

– Кельт – это род боевого топора, – сказал Артур, удивив таким сообщением волшебника сильнее, чем его удивляли на протяжении жизни нескольких поколений, ибо сообщение было верным в отношении одного из значений этого слова, но Артур того знать не мог.

– Я не об этих кельтах. Я говорю о народе. Будем называть их гаэлами. Я имел в виду древние народы, жившие в Британии, Корнуолле, Уэльсе, Ирландии и Шотландии. Пикты и прочие.

– Пикты? – спросил Кэй. – О пиктах я, по-моему, слышал. Пиктограммы. Они еще красились в синий цвет.

– И предполагалось ведь, что я даю вам образование!

Король задумчиво сказал:

– Ты не мог бы рассказать мне о расах, Мерлин? Наверное, я должен разбираться в ситуации, если нам предстоит вторая война.

На этот раз удивился Кэй.

– А что, разве будет война? – спросил он. – Впервые слышу. Мне казалось, что мятеж был подавлен в прошлом году.

– Вернувшись домой, они вступили в новый союз с пятью новыми королями, так что теперь их одиннадцать. И эти новые тоже старых кровей. Кларенс Нортумберландский, Идрис Корнуоллский, Крадилмас из Северного Уэльса, Брандегорис Странгорский и Ангвис Ирландский. Боюсь, война будет серьезная.

– И все из-за каких-то рас, – сказал с отвращением молочный брат Короля. – Ладно, хоть повеселимся.

Король оставил эти слова без внимания.

– Ну же, – сказал он Мерлину. – Мне нужны объяснения. Но только, – быстро добавил он, едва волшебник открыл рот, – поменьше подробностей.

Прежде чем смириться с этим ограничением, Мерлин еще дважды открывал и закрывал рот.

– Примерно три тысячи лет назад, – сказал он, – земля, по которой ты едешь, принадлежала расе гаэлов, сражавшихся медными топорами. Две тысячи лет назад их отогнала на запад другая раса гаэлов, с бронзовыми мечами. Тысячу лет назад сюда вторглись германцы, у этого народа оружие было железное, но он не успел овладеть всеми Пиктианскими Островами, потому что в самый разгар вторжения явились римляне и ему помешали. Лет восемьсот назад римляне ушли, а затем еще одно вторжение германцев, – эта народность называлась по преимуществу саксами, – как водится, отогнала всю прочую шушеру на запад. Саксы только-только начали обосновываться, как объявился твой отец, Завоеватель, с командой норманнов, – вот тебе и нынешняя ситуация. Робин Вуд был саксом-партизаном.

– Я полагал, что нас именуют Британскими Островами.

– Правильно, именуют. Люди вечно смешивают «бэ» и «пэ». А пуще германцев никто в согласных не путается. В Ирландии и по сию пору толкуют о каком-то народе, называемом Фоморы, каковые на самом деле попросту родом из Померании, в то время как...

В этот критический момент Артур его перебил.

– Получается, стало быть, следующее, – сказал он, – норманны поработили саксов, у которых имелись некогда собственные рабы, которые назывались гаэлами – Древним На-

родом. В таком случае я не понимаю, с какой стати Гаэль-ская Конфедерация норовит сражаться со мной – с Королем норманнов, – когда на самом деле их поработили саксы, да и произошло-то это сотни лет назад.

– Ты, мой мальчик, недооцениваешь памятьливость гаэлов. Они не делают между вами различия. Норманны – германская раса, как и саксы, которых завоевал твой отец. Что же касается древних гаэлов, они попросту считают обе ваши расы ветвями одного и того же враждебного народа, загнавшего их на запад и на север.

Кэй решительно произнес:

– Я больше не вынесу истории. В конце концов, считается, что мы вроде бы выросли. Если так будет продолжаться, мы кончим диктантом.

Артур ухмыльнулся и запел хорошо им памятным голоском: «Barbara Celarent Parii Ferioque Prions», а Кэй антифоном пропел четыре следующих строки.

Мерлин сказал:

– Сами просили.

– Вот и получили.

– Значит, суть в том, что война разразится потому, что германцы, галлы, или как ты их еще называл, давным-давно обидели гаэлов.

– Вовсе нет! – воскликнул волшебник. – Я никогда ничего подобного не говорил.

Его собеседники разинули рты.

– Я сказал, что война случится по дюжинам причин, не по одной. Еще одна из причин именно этой войны состоит в том, что Королева Моргауза носит брюки. Или, может быть, лучше сказать – тартановые штаны.

Артур терпеливо произнес:

– Я что-то не пойму. Сначала мне внушают, будто Лот и все остальные бунтуют потому, что они гаэлы, а мы галлы, а теперь меня уверяют, что все дело в штанах Королевы Оркнейской. Ты не мог бы высказаться определеннее?

– Существует вражда между гаэлами и галлами, о которой мы уже говорили. Но есть ведь и иные виды вражды. Ты не забыл, надеюсь, что твой отец еще до того, как ты родился, убил графа Корнуолла? Королева Моргауза – одна из дочерей этого графа.

– Прекрасные Корнуолльские сестры, – вставил Кэй.

– Вот именно. С одной из них вы знакомы – с Королевой Морганой ле Фэй. Это ее вы нашли на кровати из сала, когда ходили в поход с Робин Вудом. Третьей сестрой была Элейна. Вся троица – ведьмы, хотя только Моргана и занимается этим всерьез.

– Если мой отец, – сказал Король, – убил отца Королевы Оркнея, то у нее, я думаю, есть добрая причина желать, чтобы муж ее восстал против меня.

– Это всего только личная причина. А личные причины не могут служить извинением для войны.

– И более того, – продолжал Король, – если моя раса из-

гнала расу газлов, то и у подданных Королевы Оркнея имеется, насколько я понимаю, причина не хуже.

Мерлин поскреб скрытый бородой подбородок рукой, державшей поводья, и задумался.

– Утер, – сказал он наконец, – твой оплакиваемый отец был захватчиком. Равно как и его предшественники саксы, изгнавшие Древний Народ. Но если мы будем основывать все на таком движении вспять, мы никогда не доберемся до конца. Древний Народ и сам был захватчиком по отношению к еще более ранней расе с медными топорами, однако и те топорных дел мастера являлись захватчиками по отношению к какой-то совсем уж ранней орде питавшихся моллюсками эскимосов. Этак можно продолжать, пока не доберешься до Каина с Авелем. Суть-то в том, что и Саксонское Завоевание было успешным, и Норманнское тоже. Твой отец давно умирил неудачливых саксов, как бы грубо он это ни сделал, а по прошествии многих лет люди оказываются готовыми принять status quo. Кроме того, я хотел бы отметить, что Норманнское Завоевание являло собой процесс сплочения мелких делений в крупные, – тогда как теперешний мятеж Гаэльской Конфедерации представляет процесс распада. Они хотят разбить то, что они могли бы назвать Объединенным Королевством, на множество собственных мелких и кичливых королевств. Вот почему их побудительные мотивы не могут быть названы добрыми.

Он еще раз поскреб подбородок и вдруг прогневался.

– Никогда я не переваривал этих националистов! – воскликнул он. – Участь человека в единении, не в разделении. Разделение в конце концов приведет нас к сообществу обезьян, швыряющих друг в друга орехами со своего дерева каждая.

– И все же, – сказал Король, – мне кажется, у них имеется достаточно поводов для обиды. Быть может, мне не следует с ними бороться?

– Сдаться, что ли? – спросил Кэй, скорее забавляясь, чем с испугом.

– Я мог бы отречься.

– Ты Король, – упрямо сказал старик. – Никто не скажет тебе ни слова, если ты отречешься.

Чуть позже он заговорил более мягким тоном.

– А знаешь ли ты, – сказал он с некоторым сожалением в голосе, – что я и сам принадлежу к Древнему Люду? Отец мой был, как уверяют, демоном, а мать – из гаэлов. Вся человеческая кровь, какая есть в моих жилах, досталась мне от Древних. И все-таки я противник их националистических идей; их политиканы кличут таких, как я, перебежчиками, ибо, раздавая клички, они набирают очки в дешевых дебатах. И еще, Артур, жизнь, знаешь ли, штука достаточно горькая и без территорий, войн и благородной вражды.

Сено уже собрали, еще неделя, и поспеют хлеба. Втроем они сидели в тени на краю пшеничного поля, наблюдая за белозубыми, дочерна загорелыми людьми, беспорядочно сновавшими по залитому солнцем полю, – кто приспособливал новую ручку к косе, кто натачивал серп, – все готовились к окончанию ежегодных сельских трудов. Мирный покой осенял ближние к замку поля, здесь нечего было бояться стрел. Глядя на сборщиков урожая, они срывали полусозревшие колосья и с удовольствием покусывали зерна, наслаждаясь мягким молочным вкусом пшеницы и шелушистой, не столь обильной плотью овса. Жемчужный вкус ячменя, пожалуй, показался бы им странноватым, ибо ячмень еще не добрался до Страны Волшебства.

Мерлин все еще продолжал свои объяснения.

– Когда я был молод, – говорил он, – бытовала такая идея, что любая война – дело неправое. В те дни очень многие заявляли, что они просто-напросто никогда и ни за что сражаться не станут.

– Возможно, они были правы, – сказал Король.

– Нет, не были. Одна честная причина для драки все же имеется, и состоит она в том, что драку затеял кто-то другой. Понимаешь, войны, конечно, греховны, они, может быть, греховнее всего, что творят греховные виды живых существ.

Они греховны настолько, что их вообще не следует допускать. Но если ты совершенно уверен, что войну начал другой человек, значит наступило такое время, когда остановить его – это до некоторой степени твой долг.

– Но ведь любая из сторон всегда объявляет зачинщиком своего врага.

– Разумеется, объявляет, и даже хорошо, что ей приходится так поступать. По крайней мере, это показывает, что втайне каждая из сторон сознает, какой грех – развязывать войны.

– И все же насчет причин, – возразил Артур. – Если одна из сторон каким-то способом доводит другую до голода, – способы могут быть самые мирные, экономические, с военными действиями вовсе не связанные, – тогда голодающая сторона получает право сражаться, чтобы выйти из этого положения, – ты понимаешь, что я имею в виду?

– Я понимаю, что ты, как тебе кажется, имеешь в виду, – сказал волшебник, – однако ты не прав. Войне нет оправданий, нет вообще, и какого бы зла твой народ ни причинил моему – не считая военного нападения, – именно мой народ будет не прав, если это он затеет войну, чтобы выправить дело. Убийцу, к примеру, не оправдывают, когда он отговаривается тем, что жертва его была богата и его угнетала, – так с какой же стати оправдывать на этом основании целый народ? Несправедливость надлежит исправлять с помощью разума, а не силы.

Кэй сказал:

– Допустим, Король Лот Оркнейский выстраивает армию вдоль всей северной границы, – что остается делать нашему Королю, как не послать свою армию, чтобы она встала на той же самой линии? Теперь допустим, что все воины Лота обнажают мечи, тогда ведь и нам останется лишь обнажить наши. Ситуация может быть и сложнее. Похоже, неспровоцированное нападение – это такая штука, с которой трудно быть в чем-то уверенным.

Мерлин рассердился.

– Это оттого, что тебе хочется, чтобы было на то похоже, – сказал он. – Совершенно очевидно, что зачинщиком будет Лот, ибо именно он угрожал нам силой. Установить главного виновника можно всегда, если только не плутовать в рассуждениях. И в конечном счете, им безусловно является тот, кто наносит первый удар.

Кэй, однако, не желал так просто расстаться со своим доводом.

– Давай вместо двух армий возьмем двух людей, – сказал он. – Они стоят друг против друга, оба вытаскивают мечи, делая вид, что у них есть на то свои причины, оба начинают кружить один вокруг другого, выискивая слабое место, и оба делают ложный выпад мечом, притворяясь, будто желают ударить, но не ударяя. И ты хочешь мне доказать, что зачинщик – это тот, кто по-настоящему нанесет первый удар?

– Да, если иных оснований для решения нет. В твоем же

случае зачинщиком, очевидно, является тот, кто первый вывел свою армию к границе.

– Все эти разговоры о первом ударе – просто пустой звук. А если они ударят одновременно или, допустим, ты не видишь, кто наносит первый удар, потому что слишком много народу стояло один против другого?

– Да почти всегда есть что-то еще, на чем можно основываться, вынося решение, – воскликнул старик. – Обратись к здравому смыслу. Посмотри, к примеру, на этот гаэльский мятеж. Есть у Короля причины для нападения? Он ведь и так их феодальный властитель. Какой же смысл прикидываться, будто это он на них нападает? Никто не нападает на свое достояние.

– Я-то уж точно не чувствую себя во всем этом зачинщиком, – сказал Артур. – По правде сказать, я и не предвидел событий, пока они не разразились. Наверное, это из-за того, что меня растили в глуши.

– Любой разумный человек, – продолжал его наставник, не обращая внимания на помеху, – если он пребывает в твердом уме, в девяноста войнах из ста способен назвать зачинщика. Прежде всего, он способен увидеть, какая из сторон больше выиграет от войны, а это уже серьезная причина для подозрений. Затем можно выяснить, какая сторона первой пригрозила силой или принялась вооружаться И наконец, часто можно с точностью указать, кто нанес первый удар.

– А что, – сказал Кэй, – если одна из сторон первой при-

менила угрозу силой, а другая нанесла первый удар?

– Ой, послушай, иди, сунь голову в бадью с холодной водой. Я же не утверждаю, что решение возможно в любом случае. С самого начала нашего спора я говорил, что существует множество войн, в которых ежу понятно, кто агрессор, и что в таких войнах сражение с преступником может оказаться долгом всякого порядочного человека. Вот если ты не уверен в его преступности, – а тут ты обязан отдать себе полный отчет, собрав воедино всю честность, какая у тебя только найдется, всю, до крохи, – тогда, разумеется, поступай в пацифисты. Помнится, я и сам был когда-то яростным пацифистом – во время Бурской войны, когда моя страна оказалась агрессором, – и одна молодая дама едва не оглушила меня пищалкой в ночь Мафекинга.

– Расскажи нам про ночь Мафекинга, – сказал Кэй. – А то меня уже мутит от этих разговоров насчет того, кто прав, кто не прав.

– Ночь Мафекинга... – начал волшебник, всегда готовый рассказывать кому и о чем угодно. Однако ему помешал Король.

– Расскажи нам про Лота, – сказал он. – Раз уж придется с ним драться, надо бы знать, кто он такой. Вообще же эта тема – кто прав, кто не прав и почему – меня заинтересовала.

– Король Лот... – начал Мерлин тем же самым тоном, но теперь Кэй его перебил.

– Нет, – сказал Кэй. – Расскажи о Королеве. Похоже, она

интересней.

– Королева Моргауза.

Впервые в жизни Артур использовал право вето. Мерлин, заметив, как приподнялась его бровь, с неожиданным смирением вернулся к рассказу о Короле Оркнея.

– Король Лот, – сказал он, – рядовой член сословия пэров и королей-землевладельцев. Попросту ноль. И нечего о нем думать.

– Как это?

– Прежде всего, он то, что мы в мои молодые годы называли джентльменом из хорошей семьи. Подданные его – гаэлы, как и его жена, однако сам он прибыл сюда из Норвегии. Он такой же галл, как вы, представитель правящего класса, давным-давно завладевшего Островами. А это означает, что подход к войне у него в точности тот же, что был у твоего отца. Ему равно наплевать на гаэлов и на галлов, однако он отправляется воевать совершенно так же, как мои викторианские друзья отправлялись охотиться на лис, ну, может быть, еще ради выгоды или выкупа. К тому же его жена подзуживает.

– Порою, – сказал Король, – мне хочется, чтобы ты родился и жил, как все нормальные люди, – вперед. Эти твои викторианцы и ночь Мафекинга...

Мерлин разгневался:

– Связь между военным искусством норманнов и викторианской лисьей охотой не вызывает сомнений. Давай на ми-

нуту забудем про твоего отца и про Короля Лота и обратимся к литературе. Возьми норманнские предания, то, что говорится в них относительно таких легендарных личностей, как анжуйские короли. Все они, от Вильгельма Завоевателя до Генриха Третьего, предавались войне лишь в определенное время года. Стоило этому времени наступить, как они выезжали навстречу врагу в великолепных доспехах, уменьшавших опасность ранения до минимума, привычного для участника лисьей охоты. Возьми битву при Бренневилле, решившую участь войны, – девять сотен рыцарей вышли на поле сражения, и только трое оказались убиты. Возьми Генриха Второго, занимавшего деньги у Стефана, чтобы заплатить собственному войску, которое с этим же Стефаном и сражалось. А возьми спортивный этикет, согласно которому Генриху пришлось снять осаду, едва с осажденными соединился его враг, Людовик, поскольку Людовик был к тому же его сувереном. А возьми осаду горы Святого Михаила, при которой победа над осажденными была сочтена неспортивной по той причине, что у осажденных иссякла вода. А битва при Мальмсбери, прекращенная из-за дурной погоды? Вот наследство, которое ты получил, Артур. Ты стал Королем над землями, в которых народные агитаторы ненавидят друг друга по расовым причинам, а владетельные лорды сражаются для развлечения, и ни расовый маньяк, ни благородный боец даже не думают об обычных солдатах, которым только и выпадают увечья. И если ты, Король, не сможешь заставить

дела в этом мире идти не так, как идут они ныне, твое правление будет нескончаемой вереницей пустяковых сражений, ведомых по причинам либо спортивным, либо и вовсе плевым, и гибнуть в них будут одни бедняки. Вот почему я просил тебя думать. Вот почему...

– Я думаю, – сказал Кэй, – это Динадан там машет руками. Значит, обед готов.

Дом Матушки Морлан на Внешних Островах едва ли превосходил размерами конуру крупной собаки, но был он удобен и полон интересных вещей. Дверь украшали две прибитых к ней конских подковы, а внутри имелось: пять статуэток, купленных у пилигримов и обвитых каждая потертыми четками, так что хороший молельщик мог передохнуть, переходя от одного порядка молитв к другому; несколько пучков слабительной льнянки, лежавших на крышке соляного ларя; несколько наплечных повязок, обмотанных вокруг кочерги; двадцать бутылок шотландского виски – все, кроме одной, пустые; около бушеля сушеной вербы – память о Вербных Воскресеньях за последние семьдесят лет; и множество шерстяных нитей, которыми обвязывают коровий хвост, когда корова телится. Имелась здесь также и большая коса без рукояти, приготовленная Матушкой на случай появления грабителя, – если отыщется настолько дурной, чтобы сунуться к ней, – а у дымохода висели ясеновые дубинки, из которых ее больной муж когда-то давно намеревался понаделать цепов, и с ними шкурки, содранные с угрей, и полоски конской кожи, тоже заготовленные для цепов. Под шкурками стояла здоровенная бутылка со святой водой, а перед горящим в очаге торфом восседал со стаканом животельной влаги в руке ирландский святой, которых в ту по-

ру много жило в ульеобразных кельях по берегам островов. Был он из сбившихся с пути истинного святых, ибо впал в пелагианскую ересь целестианского толка, уверовав, что душа и сама себя может спасти. И теперь деятельно спасал ее с помощью Матушки Морлан и крепкого виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.